

Ситуация в арабском мире: анализ и прогноз

А.Б. Подцероб

Федорченко А.В., Крылов А.В. Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов / Аналитические доклады ИМИ. Выпуск 3(33). Центр ближневосточных исследований ИМИ МГИМО(У) МИД России. М., 2012.

События на Ближнем Востоке и в Северной Африке продолжают привлекать к себе самое пристальное внимание. Начавшиеся в конце 2010г. в Тунисе студенческие демонстрации быстро переросли в массовое движение. Антиправительственные выступления перекинулись на соседние страны, привели к отстранению от власти президентов Зин аль-Абидина бен Али, Хосни Мубарака, Абдаллаха Салеха, убийству лидера ливийской революции Муаммара Каддафи, затяжному кризису в Сирии, интервенции Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов на Бахрейне. До сих пор в научном сообществе не выработано единой точки зрения относительно того, были ли эти выступления спонтанными или представляли собой «управляемый хаос», какова была роль современных коммуникационных технологий, какими стали их результаты, оказалось ли решающим вмешательство в происходящее внешних сил и т.д.

Отсутствует даже устоявшаяся терминология: одни исследователи говорят об «арабской весне», другие об «арабской осени» или «арабской зиме», третьи об «арабской смуте». Вместе с тем анализ сути происшедшего, причин и последствий массовых выступлений, перспектив развития ситуации крайне важен с практической точки зрения для того, чтобы российская дипломатия имела возможность действовать в сложившейся обстановке наиболее эффективно. В данном контексте представляется весьма своевременным появление исследования А.В. Федорченко и А.В. Крылова «Ближний Восток: возможные варианты трансформационных процессов», в котором достаточно полно рассмотрена указанная проблематика.

В работе анализируются предпосылки смены режимов и основные вехи политических перемен в 2011–начале 2012 г. Взгляды авторов на эту проблему сводятся к следующим основным положениям. Происшедшие события они оценивают как начало нового этапа в развитии Арабского Востока. С точки зрения исследователей, уже к концу XX столетия прежняя модель развития себя исчерпала, проявились признаки политического и социального застоя. Главную же причину «арабской весны» они видят в том, что государства Ближнего Востока и Северной Африки не смогли эффективно использовать возможности нового этапа научно-технологического развития для повышения жизненного уровня населения, налицо был продолжительный спад в экономике региона.

Вместе с тем исследователи констатируют, что хозяйственная конъюнктура в странах региона не стала причиной народных волнений, что эти страны демонстрировали высокие темпы прироста валового внутреннего продукта и пережили мировой экономический кризис легче, чем западные государства. Действительно, такие государства, как Ливия, Тунис, Сирия, сумели обеспечить стабильное развитие и достаточно приемлемые условия жизни населения. Скорее дело здесь было в разрыве между ожиданиями роста благосостояния и реальностью, что и отмечают исследователи.

В целом, как представляется, арабскую смуту породило воздействие не столько социально-экономических, сколько иных факторов. С учетом этого нельзя не согласиться с выводом авторов, что одной из причин политических сдвигов в странах региона ста-

Подцероб Алексей Борисович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол. E-mail: vestnik@mgimo.ru

ло игнорирование правящими режимами требований предпринимательской прослойки и технократов, хотя к этому можно было бы добавить недооценку ими возросшей политической активности молодежи, а также современных средних слоев. А.В. Федорченко и А.В. Крылов справедливо обращают внимание на то, что возникновение идеологического вакуума в условиях обострившейся политической борьбы играет на руку исламистам. Не вызывает возражений и их тезис, что одной из главных причин восстаний стала неспособность экономики арабских стран абсорбировать миллионы вышедших на рынок труда молодых работников.

Авторы не исключают, что за каскадом бунтов в арабских странах стоят внешние силы, научившиеся использовать в своих интересах сетевые технологии. Они приходят к обоснованному выводу, что социальные сети и зарубежное телевидение породили на Ближнем Востоке и в Магрибе демонстрационный эффект, но при этом удержались от искушения абсолютизировать данный фактор. Исследователи справедливо отмечают – и их заключение подтверждается фактами, – что находившиеся у власти режимы не смогли правильно оценить развитие внутривнутриполитической ситуации и начавшиеся массовые выступления стали для них неожиданными. Не вызывает возражений и мнение А.Ф. Федорченко и А.В. Крылова относительно кризиса, который переживает идея арабского единства (хотя, видимо, можно уже говорить даже не о «кризисе», а об «отмирании» этой идеи). Что касается Израиля, то, как они отмечают, в настоящее время главную опасность для него представляет не Палестинское движение сопротивления, а грядущие политические перемены в Египте и Сирии.

Не менее важным является вывод авторов, что пока ни среди исламистов, ни среди светской оппозиции нет харизматических лидеров, которые могли бы стать в той или иной стране объединяющей фигурой. Представляет интерес их заключение, что арабские монархи, вероятно, удержатся на своих местах, в то время как значительная часть президентов и политических лидеров потеряет власть. Здесь, впрочем, вряд ли стоит всех их «стричь под одну гребенку», ибо перспективы развития ситуации даже в арабийских монархиях не выглядят однозначно и, кроме того, имеются серьезные различия между обстановкой в таких республиках, как, например, Ливан, Судан или Алжир. С другой стороны, в своем анализе исследователи абсолютно обоснованно исходят из того, что в государствах Ближнего Востока и Северной Африки наряду с ростом числа сторонников гражданского общества остается немало людей, не готовых к демократизации, и это может стать дополнительным фактором дестабилизации обстановки.

Нельзя не согласиться с их предположением, что в Ливии в случае обострения угрозы распада страны возможны новая интервенция Соединенных Штатов и некоторых членов Организации Североатлантического договора и установление в этой стране оккупационного режима по иракскому образцу. Равным образом представляется справедливым их вывод, что, несмотря на усилия США и Европейского союза, не стоит рассчитывать на установление в странах регио-

на демократии в формах, соответствующих западным представлениям на сей счет. Не вызывает сомнений и то, что политическая либерализация арабского мира будет представлять собой длительный процесс.

Значительное внимание в работе уделено исламскому фактору. При этом авторы выделяют три политико-религиозных течения: традиционно-консервативное, умеренный фундаментализм и радикальный фундаментализм. Хотя в российской ориенталистике существует немалый разброс мнений относительно типологии исламистских политических течений и точка зрения на сей счет А.В. Федорченко и А.В. Крылова не является бесспорной, их попытка разобраться в данной проблеме и выработать на этой основе критерии для оценки происходящего в арабском мире заслуживает позитивной оценки. Нельзя не согласиться с выводом авторов, что государственная политика в арабских странах направлена на адаптацию умеренного ислама к существующим системам (то есть, говоря другими словами, на поощрение религиозного реформаторства) и на противодействие призывающим к джихаду радикалам.

Они обоснованно констатируют, что смена режимов открыла путь для прихода к власти или существенного усиления позиций умеренных исламистов в Тунисе и Ливии и радикалов в Ливии и Йемене (к чему следовало бы также добавить заметную активизацию салафитских группировок в Сирии). С другой стороны, не представляется бесспорным вывод, что победа исламистов будет способствовать обострению междоцивилизационных противоречий. Так действительно происходит в случае прихода к власти крайних радикалов (достаточно вспомнить уничтожение движением «Талибан» [ДТ] памятников доисламской культуры в Афганистане). Однако, с другой стороны, реформаторы, да и не только они, настаивают на диалоге цивилизаций. В качестве примера можно привести инициативы на сей счет, с которыми неоднократно выступало иранское руководство.

Представляет интерес деление исследователями радикальных организаций на системные (к которым они относят, в частности, «Хизбаллу» и Исламское движение сопротивления [ХАМАС]) и внесистемные. Системные группировки, считают авторы, обладают легитимностью (скорее, правда, «легитимностью, хотя нередко и относительной») и интегрированы в политический процесс, в то время как внесистемные полностью безответственны (точнее было бы «более безответственны») и их поведение диктуется конъюнктурными соображениями их лидеров и внешних спонсоров (следовало бы, наверное, сказать: «во многих случаях»). Впрочем, они тут же делают принципиально важное уточнение, подчеркивая, что и системные организации способны идти на контакты и выполнять взятые на себя обязательства лишь до тех пор, пока их наиболее радикальное крыло не посчитает целесообразным начать новый раунд противостояния.

В исследовании приведена достаточно детализированная оценка позиций исламистских движений и группировок в целом ряде стран арабского мира и Среднего Востока: Ассоциации Братьев-мусульман и «Аль-Гамаа аль-исламийя» в Египте, Братьев-му-

сульман в Сирии, Армии махди в Ираке, организации «Аль-Каида» в странах исламского Магриба, «Хизбаллы» в Ливане, ХАМАС и Исламского джихада на Палестинских территориях, «Аль-Каиды» на Аравийском полуострове, Армии освобождения Адена и Абьяна, Йеменского джихада, а также Йеменского объединения за реформы, Организации моджахедов иранского народа, Курдской рабочей партии в Турции (которая, как справедливо отмечают авторы, не является исламистской), ДТ и «Аль-Каиды» в Афганистане. Авторами была проделана значительная работа по сбору и систематизации информации об этих группировках.

Но при этом, к сожалению, из их поля зрения выпали такие организации, как иракская «Каида аль-джихад» в Месопотамии и Исламское государство Ирак, иорданский Фронт исламского действия, ливийские Братья-мусульмане и Ливийская исламская боевая группа, тунисская «Ан-Нахда», марокканская Партия справедливости и развития. Работа только выиграла бы, если бы исследователи более детально проанализировали роль, которую сыграли исламистские группировки в отдельных арабских странах, в частности в САР, АРЕ, ВСНЛАД, Тунисе, Марокко.

Представляется полностью обоснованным выделение в отдельную главу вопроса о ливийском прецеденте в увязке со сценариями развития ситуации на различных ближневосточных треках. Как поясняют авторы, Ливия на данный момент является единственным государством, где авторитарный режим был свергнут насильственным путем. При этом, правда, выглядит несколько заниженной оценка ими роли НАТО, которая, как отмечают исследователи, способствовала приближению развязки. В действительности же в условиях, когда значительная часть Сил вооруженного народа сохранила верность М.Каддафи и героически сражалась в течение восьми месяцев в условиях полного господства противника в воздухе, а большинство населения Триполитании и Феззана продолжало поддерживать режим до конца. Без вмешательства авиации США и западноевропейских государств повстанцы не только не победили бы, но и были бы разгромлены. Вместе с тем не вызывает возражений анализ позиции Запада и аравийских монархий, которая сводилась к тому, что легитимное право управлять Ливией имеет Переходный национальный совет, большинство членов которого, как справедливо отмечают исследователи, было связано с западными спецслужбами или длительное время находилось в эмиграции.

Сильной стороной работы является то, что А.В. Федорченко и А.В. Крылов, отмечая возможность использования Западом ливийского сценария для свержения и других неугодных ему режимов, обобщают методы, к которым прибегают в этих целях «борцы за свободу». Сначала, отмечают они, в средствах массовой информации создается образ неуправляемого, коварного и жестокого диктатора, который поддерживает терроризм и нередко стремится овладеть оружием массового уничтожения, чтобы использовать его против демократических стран. Одновременно новые информационные технологии начинают активно применяться для мобилизации «демократи-

ческих сил» на участие в протестных движениях, в то время как попытки режима воспрепятствовать дестабилизации преподносятся как преступления против человечности.

На это наслаивается работа по объединению оппозиционеров, проживающих в эмиграции. Затем вводятся экономические санкции с целью ослабления неугодных Западу режимов. Начинается переброска в страну из-за рубежа хорошо подготовленных бандформирований, которые развертывают вооруженную борьбу с режимом. Нельзя недооценивать воздействие и такого выделяемого исследователями фактора, как современные военные технологии, позволяющие странам НАТО наносить результативные удары по избранным целям и при этом избегать потерь в живой силе и технике. Проведенный авторами анализ представляется достаточно убедительным. Хотелось бы только добавить, что применение ливийского сценария не является чем-то совсем уж новым. Он уже использовался (пусть с кое-какими нюансами) в отношении Югославии в 1999 г. и Ирака в 2003 г., а сейчас к нему прибегают в Сирии (где, правда, дело пока что не дошло до иностранной интервенции). Поневоле встает вопрос, кто окажется следующим в очереди на победу «сил добра» – Иран, Белоруссия, кто-то еще?

Авторы считают, что отработка указанных схем преследует следующие цели:

- дестабилизацию и обнищание стран региона, в которых были свергнуты находившиеся там у власти правители;
- ослабление их внешнеполитических позиций;
- внедрение марионеточных режимов, которые будут обеспечивать для своих покровителей выгодные условия поставки нефти;
- обеспечение полного доминирования Запада в районах, где находятся стратегически важные месторождения углеводородов.

Представляет безусловный интерес их вывод, что свержение режимов, с которыми Россия традиционно поддерживала прочные отношения, нанесет серьезный удар по ее геополитическим интересам в арабском мире и на Среднем Востоке, повлечет за собой изоляцию РФ от традиционных рынков сбыта военной продукции и свертыванию реализуемых ею в регионе бизнес-программ.

Исследователи отмечают, что события в Ливии, Египте, Тунисе и Йемене заставили вспомнить о разработанном в 1980-х гг. британским ориенталистом Б. Льюисом плане раздела Ближнего и Среднего Востока. При этом исследователи ссылаются, в частности, на документы, изъятые египетскими спецслужбами во время обыска в каирском офисе американского Международного республиканского института, в которых идет речь о разделе Египта на четыре государства. К сожалению, они при этом ограничиваются констатацией, не высказывая собственной оценки, насколько реальной представляется им реализация плана Б. Льюиса.

Особое внимание А.В. Федорченко и А.В. Крылов обращают на возможность повторения ливийского сценария в Сирии. Ими рассматриваются следующие варианты развития обстановки:

- подавление силой антиправительственных выступлений;
- национальное примирение и проведение реформ на общенациональной основе;
- устранение правящего режима;
- вероятность иностранной интервенции.

Исследователи не обходят вниманием и ситуацию в палестино-израильских отношениях. Здесь ими также рассматривается несколько сценариев развития ситуации – поглощение Израилем Западного берега и Восточного Иерусалима, продолжение Тель-Авивом процесса размежевания с палестинцами, создание демилитаризованного Палестинского государства, возвращение Западного берега под контроль Иордании. Анализируется ими и возможность перерастания конфликта между Израилем и палестинцами в крупную арабо-израильскую войну, вероятность которой, как полагают авторы, сегодня велика как никогда.

А.В. Федорченко и А.В. Крылов не боятся «заглянуть за горизонт», что повышает и без того немалую значимость их исследования. Они выдвигают два вероятных сценария развития обстановки:

- умеренно-оптимистичный, в соответствии с которым можно ожидать продолжения реформ, решения основных социально-экономических проблем, демократизации и понижения уровня конфликтности в обществе;
- пессимистичный, предполагающий усиление социальной напряженности, подъем радикального исламизма, сползание стран региона к хаосу, гражданским войнам и вооруженным конфликтам с соседними странами.

Преимущества подхода авторов к исследуемой проблеме особенно явно проявляются в наиболее, пожалуй, важном разделе «Российские интересы в регионе». Рассматривая перспективы российско-ливийских отношений, они справедливо констатируют, что у нас нет реальных очагов влияния на силы, которые делают власть в Ливии после гибели М. Каддафи. В этой ситуации, считают они, России целесообразно не вмешиваться в дела противоборствующих сторон, а выступать в роли модератора. Что касается Сирии, то, полагают исследователи, моделью на будущее здесь должно быть решение в соответствии с резолюциями Совета Безопасности по Йемену, а не по Ливии.

Данная точка зрения не представляется полностью бесспорной: если в Йемене с его племенной структурой и ролью вождей племен в политической жизни уход президента Али Салеха привел к окончанию вооруженного противостояния при сохранении существующей системы, то в САР налицо – пусть далеко не стопроцентная – вероятность того, что отставка президента Б. Асада, которая будет воспринята и его сторонниками, и его противниками как капитуляция Партии арабского социалистического возрождения, повлечет за собою крах всей политической системы и возникновение хаоса. При этом, рассуждая о российско-сирийских отношениях, авторы справедливо подчеркивают, что в диалоге с Дамаском Москве следует избегать категоричных оценок с осуждением руководства страны.

А.В. Федорченко и А.В. Крылов констатируют, что «неурегулированность палестинского вопроса по-прежнему остается главным фактором, который дестабилизирует обстановку в регионе». В этом контексте они совершенно обоснованно отмечают, что только скоординированными международными усилиями можно избежать новых военных конфликтов, а также реализации односторонних израильских планов, исключающих возможность создания полноценного Палестинского государства.

Рассматривая перспективы взаимодействия с религиозно-политическими течениями, авторы выделяют три уровня, на которых целесообразно строить контакты с исламистами:

- поддержание политических, религиозных и культурных контактов с умеренными группировками;
- выступление в качестве посредника между радикальными фундаменталистами, отказавшимися от террористических методов, и Западом;
- противодействие распространению влияния экстремистских организаций на территорию России.

Если первый и третий уровни не вызывают каких-либо возражений, то представляется вместе с тем нецелесообразным посредничество между радикалами и Западом, поскольку это вряд ли позволит нам заработать политические очки в глазах как исламистов, так и европейцев и американцев. Лучше, видимо, оставить западников самим урегулировать свои отношения с такими группировками, а нам при поддержании с ними контактов руководствоваться собственными интересами.

Исследователи обоснованно полагают, что проведение внешнеполитического курса в соответствии с потребностями развития экономики становится важным элементом российской политики на арабском направлении и что для этого существуют объективные условия. Они очерчивают наиболее перспективные сферы наращивания двусторонних отношений и раскрывают возможности реализации имеющегося потенциала. Значительное внимание в работе уделено инвестиционному сотрудничеству, проблематике которого посвящен отдельный раздел.

Справедливо констатируя, что Ближний и Средний Восток лидируют среди всех регионов мира по объемам импорта вооружения, авторы одновременно показывают, что конкретно могла бы сделать Россия для того, чтобы успешно конкурировать на рынках этих стран с другими производителями оружия. В целом в работе А.В. Федорченко и А.В. Крылова даны достаточно полный обзор и всесторонний анализ возможных вариантов развития обстановки в арабских странах. Исследование заслуживает высокой оценки, представляет интерес для всех, кто интересуется происходящим на Ближнем Востоке и в Северной Африке, может принести практическую пользу как задействованным на данном направлении сотрудникам российского Министерства иностранных дел, так и научному сообществу.

Fedorchenko A. V., Krylov A. V. The Situation in the Arab World: Analysis and Forecast.